

Таохуа тоже была здесь. Паразитов из её тела уже извлекли, но из-за юного возраста Лю Сюаньань велел ей пожить в горах подольше, чтобы полностью окрепнуть перед возвращением домой. Родители девочки, бесконечно благодарные чудо-доктору, разумеется, не возражали и, когда было время, сами приходили помогать. Девочка носилась между людьми, а когда устала, решила спрятаться в прохладной комнате, но наткнулась на кого-то.

— Ой! — она так и шлёпнулась на землю.

— Осторожно, — кто-то подхватил её.

Таохуа пошатываясь встала, подняла голову и увидела городского лекаря — Сана Яньняня. Она знала его, раньше ходила с отцом в его лавку за снадобьями.

— Лекарь Сан, — поздоровалась она первая. — Вы поправились?

Вопрос девочки заставил Сана Яньняня покраснеть:

— Поправился. — И тут же, понизив голос:

— Все знают, что я болел?

— Угу, все, — кивнула Таохуа. — Все только об этом и говорят.

— Говорят... — Сан Яньнянь хотел спросить «что именно», но и так понимал, что хорошего не услышит, потому оборвал себя. — Иди, играй, а я пойду, погляжу.

Он даже специально поправил одежду, прежде чем выйти на площадь. В лицо ему, конечно, смеяться не стали — все знали, что Сан Яньнянь обидчив, злопамятен и мстителен, лишний раз гневить его не хотелось, потому народ вёл себя подчёркнуто приветливо:

— Лекарь Сан пожаловал!

Сан Яньнянь встал рядом с Лю Сюаньанем и пробормотал:

— Пришёл помочь.

Лю Сюаньань позволил ему притащить стул:

— Тогда, лекарь Сан, присаживайтесь, поглядите, а я по ходу дела поясню, на что при извлечении червей обращать внимание.

Сан Яньнянь закивал:

— Ладно.

В душе он твёрдо решил: на сей раз непременно верну себе лицо!

...

Внизу, в управлении.

Мать Таохуа принесла ещё одну корзину пирожков из ямса и рисовой муки, слепленных в форме зайчиков, с красными точками-глазками. Получилось очень мило. Она наказала-перенаказала: чудо-доктору обязательно дать попробовать, для селезёнки и желудка полезно.

Чэн Суюэ, проверив угощение на яд, уже собиралась отправить его в горы, но по пути его перехватил Его Высочество князь Сяо. Она, оседлав коня, спросила:

— Почему Ваше Высочество так часто на гору Дакань навещаетесь?

— Пейзажи хороши, — ответил Лян Шу.

Чэн Суюэ не поняла. Ну, голая зелёная гора, летом, конечно, в цветах, но разве не все горы такие? Что в ней особенного, чтобы раз за разом на неё забираться, да ещё так, что даже Тёмный Цзяо дорогу выучил: на развилке без малейших колебаний резко сворачивает, будто его ветром несёт.

И на сей раз было то же. Чэн Суюэ ещё седло как следует не приладила, а он уж на месте топчется, головой мотает, фыркает — всё нетерпение своё показывает, да ещё и брызгами в лицо её окатил.

Чэн Суюэ шлёпнула его по крупу, смеясь:

— Ах ты негодник! Спешешь куда? Там же невесты твоей нет!

Выговорилась, обернулась — и наткнулась на взгляд своего князя. Тот смотрел с усмешкой, от которой даже в летний зной по спине холодок пробежал.

Не спрашивай. Не шевелись.

Лян Шу принял из её рук ларец с угощением:

— С жалованья десять дней удержу.

— А? — Чэн Суюэ скорчила гримасу. — Я больше ругать не буду, ладно?

— Не ладно, — Лян Шу вскочил в седло. — Чтобы впредь неповадно было чепуху молоть.

— Но... — Чэн Суюэ с тоской взирала, как Тёмный Цзяо уносится в облаке пыли, и, сокрушаясь о десяти днях жалованья, пробормотала:

— Но я ж не соврала.

Там и правда невесты нет!

Разве что рыжая лошадка второго сына Лю, да и та в последнее время не в духе, потому что А-Нин решил, что ей худеть надо, и ночную порцию овса урезал. Теперь она в стойле пресную солому жуёт, а услышав вдали ржание Тёмного Цзяо, даже ухом не повела.

Лю Сюаньань тоже ржание услышал. Он потянулся, велел ждущим в очереди разойтись поесть и вернуться после полудня, а сам направился к своему жилью. На столе и вправду стоял новый ларец с угощением. Вымой руки и открыв его, он увидел тех самых прелестных зайчиков.

С порога вошёл Лян Шу, в руке у него — небольшой кувшин вина, от которого густо и сладко пахло, а на горлышке красовалась алая этикетка.

Лю Сюаньань спросил:

— В городе свадьбу играли?

— Кто ж в такое время женится? Ничего нет, даже в лучшей таверне десяти столов для пира не накроешь, — ответил Лян Шу. — Это вино Ши Ханьхай под деревом закопал. Племянница его на свадьбе часть использовала, а это остаток.

— Так это «Девичья краса», — Лю Сюаньань налил себе немного в чашку. — Приобщимся к радости.

Лян Шу нахмурился:

— Что это у тебя голос такой хриплый?

Лю Сюаньань сделал маленький глоток:

— Целое утро говорил. А-Нин страх у Сана Яньняня вылечил, и тот с утра сам вызвался помогать. Я его рядом посадил, объяснял, на что при извлечении червей смотреть.

— Понял что-нибудь?

— Нет, — ответил Лю Сюаньань. — Не спрашивал, но, судя по лицу, ни слова не понял.

Лян Шу молча покачал головой и налил себе.

Съев пару-тройку пирожков и насытившись, Лю Сюаньань снова вспомнил о вчерашнем сновидении.

Лян Шу спросил:

— О чём задумался?

— А? — Лю Сюаньань вздрогнул и опомнился. — Да ни о чём.

Лян Шу сказал:

— Не похоже на «ни о чём».

Лю Сюаньань упёрся:

— Действительно ни о чём.

Хотя... кое о чём можно было бы и помыслить.

Он подумал, взял ещё один пирожок и, словно невзначай, произнёс:

— У меня есть друг.

Лян Шу усмехнулся:

— Хорошо, есть у тебя друг. И что дальше?

— И он всё время моется, — сказал Лю Сюаньань. — Подолгу. Как вы думаете, почему?

Лян Шу посмотрел на свой кубок:

— Может, чувствует, что на нём грехов и крови слишком много, вот и пытается смыть.

Такого ответа Лю Сюаньань не ожидал и замер.

— Разве не так? — Лян Шу взглянул на него. — Ну, может, и по другой причине. В общем, коли человек чистым себя чувствует, мыться без конца не станет.

Лю Сюаньань промолчал.

Через некоторое время Лян Шу протянул указательный палец и, словно стучась в дверь, трижды постучал им Лю Сюаньяню по лбу.

Лю Сюаньань удивился:

— Ваше Высочество, что вы делаете?

Лян Шу ответил:

— Зову твоего друга. Пусть вылезает, хватит мыться. Кое-что водой не смоешь, только нервы трепать. Лучше с нами вина разделит.

Лю Сюаньань начал:

— Откуда вы знаете... — он хотел спросить, откуда князь знает, что друг из Трёх тысяч путей Дао, но потом сообразил: а кто ж ещё? В реальности-то у него друзей и нет.

Лян Шу с улыбкой спросил:

— Ну что, вышел?

Второй сын Лю в Трёх тысячах путей Дао закрыл глаза, изо всех сил вытащил мокрого князя Сяо из водоёма и накинул на него просторный халат.

— Вышел.

Мало того, что вышел — так ещё и получил в подарок маленький кувшин «Девичьей красы» и сладкого зайчика из рисовой муки. Приём вышел самым что ни на есть радушным.

Лян Шу поднял кубок и чокнулся с воздухом:

— Тогда выпьем с ним.

Лю Сюаньань последовал его примеру.

Так они и принялись пить, чокаясь с князем Сяо из другого мира. Правда, второму сыну Лю пришлось непросто — бегать туда-сюда.

Кувшин скоро опустел, и А-Нин снаружи напомнил, что очередь больных уже снова собралась.

— Ступай, — Лян Шу поднялся. — Как-нибудь спроси у своего друга, какое вино он любит, в другой раз принесу.

Лю Сюаньань согласился:

— Хорошо.

Он проводил Лян Шу до двери. А-Нин тихонько спросил:

— Господин, о чём вы с князем говорили? Оба такими довольными выглядели.

— Да ни о чём, — Лю Сюаньань сделал вид, что отмахивается.

А-Нин посмотрел на него без особой веры:

— Да вы же улыбаетесь во весь рот.

— Ну, просто... — Лю Сюаньань прислонился к косяку и подумал. — Впервые кто-то выпил с моим другом. — Хотя, если строго судить, князь Сяо по сути сам с собой пил, но он-то об этом не знал. А всё равно согласился на троих — такого раньше не случалось.

А-Нин тут же подал заявку:

— Тогда в следующий раз я тоже с вашим другом выпью!

Лю Сюаньань ущипнул его за щёку:

— А раньше что молчал?

А-Нин почувствовал себя несправедливо обвинённым. Кто ж мог подумать, что у мудрецов, существующих лишь в сознании, вдруг возникнет потребность выпить с реальным человеком? Хотя, если вдуматься, мир господина с каждым днём становился всё замысловатее. Что там будет через десять-двадцать лет — и представить страшно.

<http://bllate.org/book/16268/1464189>